

ЭКСПАНСИЯ ЧУДА

ПРОЗА МАРГАРЕТ

Э·Т·В·У·Д

ОНА ЖЕ ГРЕЙС

СЛЕПОЙ УБИЙЦА

**КАМЕННАЯ
ПОДСТИЛКА**

**ОРИКС И
КОРОСТЕЛЬ**

цикл «Орикс и Коростель»

ГОД ПОТОПА

цикл «Орикс и Коростель»

**БЕЗУМНЫЙ
АДДАМ**

цикл «Орикс и Коростель»

МАРГАРЕТ

Э·Т·В·У·Д

ОРИКС И
КОРОСТЕЛЬ

Москва
2018

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
Э89

Margaret Atwood
ORYX AND CRAKE

Copyright © 2003 by O. W. Toad Ltd. This edition is published by
arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Н. Гордеевой*

Художественное оформление *П. Петрова*

Этвуд, Маргарет.

Э89 Орикс и Коростель / Маргарет Этвуд ; [пер. с англ.
Н. Гордеевой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 448 с.

ISBN 978-5-04-097242-5

Ошалевшая планета на пороге катастрофы: терроризм, эпидемии, генетический беспредел, мутации.

Безумный ученый, бывшая порнозвезда и фигляр-неудачник превращают мир потребительского абсурда в безлюдную пустыню. Чтобы уничтожить человечество, хватит тщательно разработанного вируса и нескольких месяцев эпидемии.

На место людей пришло новое племя — травоядное, невинное и прекрасное. Посреди заброшенного парка живут Дети Коростеля. Фигляр-неудачник, единственный живой человек на Земле, сочиняет им сказки для новой жизни.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Н. Гордеева, перевод на русский язык,
2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-097242-5

Моей семье

Может быть, подобно другим путешественникам, я мог бы удивить тебя странными и невероятными рассказами, но я предпочел излагать голые факты наипростейшим способом и слогом, ибо главным моим намерением было осведомлять тебя, а не забавлять.

Дж. Свифт.
«Путешествия Гулливера»¹

И нет спасенья? И пути провидения не вытвердить наизусть? И ни вожатая, ни прибежища нет, только чудо, с вершины башни срывающееся в высоту?

В. Вулф.
«На маяк»²

¹ Перевод с английского под ред. А. А. Франковского. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

² Перевод Е. Суриц.

1

Манго

Снежный человек просыпается перед рассветом. Лежит без движения, вслушиваясь в прибой, что волна за волной накатывает на баррикады, шуш-ш, шуш-ш; стук сердца. Снежному человеку так хотелось бы поверить, что он еще спит.

На горизонте с востока серая дымка уже подсвечена розовым беспощадным заревом. Странно: цвет все еще кажется нежным. На фоне дымки темнеют силуэты башен в открытом море, необъяснимо вырастая из бледно-голубой и розовой лагуны. Крики птиц, гнездящихся там, и далекий скрежет океана, грызущего эрзац-риффы из ржавых автомобильных запчастей, битого кирпича и прочего мусора, — почти как рев машин в выходной день.

Снежный человек по привычке смотрит на часы, — корпус из нержавеющей стали, потертый алюминиевый ремешок, часы давно не работают, но еще блестят. Теперь это его единственный талисман. Циферблат пуст: час ноль. Нет официального времени — Снежного человека всякий раз охватывает ужас. Никто нигде не знает, который час.

— Успокойся, — говорит он себе и делает несколько глубоких вдохов, потом чешет укусы:

не сами ранки, только вокруг, чтобы не содрать корку, — заражение крови ему совершенно ни к чему. Затем он изучает землю, нет ли живности: все спокойно, ни хвостов, ни чешуи. Левая рука, правая нога, правая рука, левая нога — он спускается с дерева. Смахивает с себя ветки и кору, обматывается грязной простыней на манер тоги. На ветке висит бейсболка «Ред Сокс», «подлинная копия», он определил ее туда на ночь для сохранности, теперь снимает, смотрит внутрь, вытряхивает паука и надевает кепку на голову.

Он отходит на пару ярдов влево и мочится в кусты.

— Осторожнее, — советует он кузнечикам. Те, недовольно треща, скрываются в траве. Он обходит дерево, подальше от места, назначенного туалетом, и осматривает тайник из обломков бетонных плит, обмотанных проволочной сеткой для защиты от крыс и мышей. В тайнике лежат несколько плодов манго в пластиковом пакете, банка вегетарианских сосисок «Стройняшка», драгоценные полбутылки скотча — нет, пожалуй, треть бутылки скотча — и энергетический батончик с шоколадным вкусом, найденный на стоянке трейлеров, мягкий и липкий в фольге. Снежный человек пока не может заставить себя его съесть — кто знает, может, больше он батончиков не найдет. Еще в тайнике лежит открывалка, почему-то нож для колки льда и шесть пивных бутылок — из сентиментальных соображений, а также для питьевой воды. А еще

темные очки, он их надевает. Одного стекла нет, но лучше так, чем ничего.

Он открывает пластиковый пакет. Осталось только одно манго. Странно, ему казалось, их должно быть больше. Он старался завязать пакет как можно туже, но муравьи все равно забрались. Теперь бегают по рукам, черные и злобные желтые. Удивительно, как они все-таки больно кусаются, особенно желтые. Снежный человек их стряхивает.

— Четкое следование ежедневному распорядку — один из наиболее действенных способов поддерживать моральный дух и ясный рассудок, — говорит он вслух. Кажется, цитирует книгу, старое нудное пособие для европейских колонистов с каких-то плантаций. Он такой книги не помнит, но это еще ничего не значит. В той части мозга, где была память, сплошные пустоты. Плантации кофе, каучука, джута (что такое джут?). Колонистам полагалось носить тропические шлемы, прилично одеваться к обеду, не насиловать туземных женщин. Нет, вряд ли там говорилось «насиловать». Воздерживаться от контактов с представительницами коренного населения. Ну или еще как-то.

Правда, он готов поспорить, что они не воздерживались. В девяти случаях из десяти.

— Принимая во внимание смягчающие... — говорит он. Оказывается, он стоит открыв рот, вспоминая окончание фразы. Он садится на землю и ест манго.

Обломки

По белому пляжу — море усыпало его смолотыми кораллами и обломками костей — гуляют дети. Наверное, в океане купались — все мокрые и поблескивают. Осторожнее надо: кто знает, какая живность обитает в лагуне. Но дети беспечны в отличие от самого Снежного человека. Он ни за что в воду не полезет, даже ночью, когда солнце не терзает. Уточнение: ночью особенно.

Он наблюдает за ними с завистью — или, может, это ностальгия? Вряд ли: в детстве он никогда не купался в море и голышом по пляжу не бегал. Дети исследуют побережье, иногда наклоняются, подбирают какой-то мусор, совещаются, что-то оставляют, что-то выкидывают, найденные сокровища отправляются в рваный мешок. Рано или поздно — можно не сомневаться — они отыщут Снежного человека. Он сидит в почти истлевшей простыне, обхватив колени, и грызет манго, прячась в тени деревьев от палящего солнца. Для этих детей — толстокожих, невосприимчивых к ультрафиолету — он всегда будет ночным существом, человеком сумерек.

А вот и они.

— Снежный человек, о Снежный человек, — напевают они. Слишком близко они к нему никогда не подходят. В знак уважения, как ему хотелось бы думать, или от него просто воняет?

(От него действительно воняет, он в курсе. Он пахнет дрянью, он пахнет, как морж — маслом, со-

лю и рыбой. Разумеется, он не нюхал моржей. Зато картинки видел.)

Дети открывают свой мешок и хором спрашивают:

— О Снежный человек, что мы нашли? — Они вытаскивают из мешка вещи и раскладывают перед ним, будто на продажу: диск от автомобильного колеса, клавиша пианино, пригоршня зеленых бутылочных стекол, отшлифованных водой. Пластиковый контейнер от «НегиПлюс», пустой; ведерко из-под куриного филе «Пухлокуры», тоже пустое. Компьютерная мышка — точнее, ее покореженные обломки с длинным хвостом.

Ему хочется плакать. Что им сказать? Никак не объяснить, что такое эти странные предметы. Чем они были. Но дети-то знают, что он скажет. Он всегда говорит одно и то же.

— Это вещи из прежних времен. — Голос его добр и отстранен. Нечто среднее между педагогом, прорицателем и добрым дядюшкой — вот такой примерно должен быть тон.

— А они не сделают нам больно? — Иногда дети находят банки с машинным маслом, едкие растворители или пластиковые бутылки с хлоркой. Ловушки из прошлого. Снежный человек — признанный эксперт по несчастным случаям: жгучие жидкости, тошнотворный дым, ядовитая пыль. Боль непонятной природы.

— Нет, эти нет, — говорит он. — Эти безопасны. — Дети тут же теряют интерес к своим находкам,

мешок бесполезно болтается. Но дети не уходят — стоят и смотрят. Прочесывание пляжа — только предлог. В действительности они больше хотят посмотреть на Снежного человека, потому что он совсем на них не похож. Иногда они просят его снять темные очки, а потом надеть обратно: проверяют, два у него глаза или три.

— Снежный человек, о Снежный человек, — поют они, но не ему, скорее друг другу. Для них его имя — всего лишь сочетание звуков. Они не знают, что такое «снежный человек», они никогда не видели снега.

Одно из правил Коростеля — нельзя выбрать имя, которому не найдешь физический эквивалент — пускай скелет, пускай чучело. Никаких единорогов, грифонов, мантикор и василисков. Но правила больше не действуют, и Снежный человек с наслаждением, пусть горьким, взял себе это сомнительное имя. Ужасный Снежный человек, Йети, — существующий и не существующий, мерцает на границе снежной бури, обезьяноподобный человек или человекоподобная обезьяна, скрытный, неуловимый, известный лишь по слухам и перевернутым следам. Говорили, что горные племена охотились на снежных людей и при малейшей возможности убивали. Говорили, что племена эти варили убитых снежных людей, жарили их, закатывали пиры. Снежный человек подозревает, что легкий налет каннибализма придавал этому действию особую прелесть.

Сейчас он сократил свое имя. Стал просто Снежным человеком, оставив «ужасного» себе в качестве тайной власяницы.

Дети мнутя, потом садятся на землю полукругом, все вместе, мальчики и девочки. Младшие еще не доели завтрак, по подбородкам стекает зеленый сок. Жутко подумать, насколько неряшливы становятся люди, когда нет зеркал. Впрочем, дети все равно кажутся ему изумительно красивыми — все голые, все идеальные, все разноцветные — шоколадные, розовые, цвета чая, кофе, сливок, масла, меда — и с одинаковыми зелеными глазами. Эстетика Коростеля.

Они выжидательно смотрят на Снежного человека. Наверное, думают, что он с ними заговорит, но сегодня он не в настроении. В крайнем случае, даст им посмотреть темные очки, блестящие сломанные часы или бейсболку. Бейсболка им нравится, правда, они совершенно не понимают, зачем она — съемные волосы, которые и не волосы вообще, — а подходящей байки он пока не придумал.

Дети еще некоторое время сидят молча, смотрят, размышляют, затем старший начинает:

— О Снежный человек, пожалуйста, скажи нам, что за мох растет у тебя на лице?

Остальные подхватывают:

— Пожалуйста, скажи нам, пожалуйста, скажи нам! — Не пихаются, не хихикают — это серьезный вопрос.

— Перья, — отвечает он.

Они задают этот вопрос минимум раз в неделю. И он все время дает один и тот же ответ. Сколько прошло времени — два месяца, три? Он сбился со счета, а у них уже про него мифология, догадки:

Снежный человек когда-то был птицей, но забыл, как летать, и почти все его перья выпали, ему холодно, ему нужна вторая кожа, и приходится все время греться. Нет: ему холодно, потому что он ест рыбу, а рыба холодная. Нет: он носит вторую кожу, потому что у него больше нету этой штуки, которая у всех мужчин есть, и он не хочет, чтобы мы видели. И поэтому он не ходит купаться. У него морщины, потому что раньше он жил под водой, и вода сморщила ему кожу. Снежный человек такой грустный, потому что остальные такие же улетели за море, и теперь он тут совсем один.

— Я тоже хочу перья, — говорит самый младший. Напрасная надежда: у мужчин из племени Детей Коростеля бороды не растут. Сам Коростель считал, что борода иррациональна, его раздражало бритье, поэтому он решил вообще отказаться от растительности на лице. Разумеется, Снежного человека это не коснулось: ему слишком поздно меняться.

Теперь они все начинают разом:

— Снежный человек, о Снежный человек, а можно, чтобы у нас тоже были перья, пожалуйста?

— Нет, — отвечает он.

— Почему нет, ну почему? — спрашивают двое самых младших.

— Минутку, я спрошу Коростеля. — Он поднимает часы к небу, крутит на запястье, потом прикладывает к уху, будто слушает. Они заворуженно следят за каждым его движением. — Нет, — гово-

рит он наконец. — Коростель говорит, что вам перья не положены. А теперь валите на хер.

— На хер? На хер? — Они смотрят друг на друга, потом на него. Он сделал ошибку, сказал новое слово и даже не сможет объяснить им, что оно означает. Половые органы их не оскорбляют. — Что такое на хер?

— Уходите! — Он отмахивается простыней, они бросаются врассыпную и убегают по пляжу. Они еще не знают, стоит ли его бояться. И насколько сильно. Никто не слышал, чтоб он обидел ребенка, но сущность его до конца не понятна. Кто знает, что он выкинет.

Голос

— Теперь я один, — говорит он вслух. — Один, всегда один. Один среди зыбей¹. — Еще одна фраза из саднящего внутреннего цитатника.

Точнее, один на берегу.

Ему очень нужно услышать человеческий голос — обычный человеческий голос, как у него са-

¹ С. Т. Кольридж. Поэма о старом моряке. Пер. Н. Гумилева. Стихотворение перекликается с дальнейшим содержанием трилогии «Безумного Адам». Тут и грех человечества перед природой и всеми живыми существами (грех Старого Моряка, убившего альбатроса), и заражение океанов, и гибель грешного человечества, и покаяние оставшихся, и прощение, и возможность начать заново. Упомянуты святые (важнейший мотив в следующих двух книгах: «Год потопа» и «Безумный Адам»). — *Прим. ред.*